

Сергей Буянов
Культура прокариотов

Сергей Буянов

Культура прокариотов

«Издательские решения»

Буянов С. Ю.

Культура прокариотов / С. Ю. Буянов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740736-0

Кто такие прокариоты? Это безъядерные клетки, что не мешает им существовать в огромной Вселенной. Нет ядра — нет и центра тяжести, а значит, и притяжения.

ISBN 978-5-44-740736-0

© Буянов С. Ю.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Человек с железными нервами	6
Глава 2. Клоун рыжий. Клоун чёрный	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Культура прокариотов

Сергей Юрьевич Буянов

Автор обложки Зинаида Тихонова

© Сергей Юрьевич Буянов, 2019

ISBN 978-5-4474-0736-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Человек с железными нервами

Солнечные лучи свободно проникали сквозь закопчённые окна в электричке. Света они давали мало, зато грели с утроенной энергией. Как и всё в природе, самые низкие волны солнечного света – инфракрасные – оказались самыми стойкими. Через стекло загореть нельзя, но получить ожог – всегда, пожалуйста!

Михаил Иванович прикрывался от солнца газетой. Держа второй лист перед глазами, пытался что-то прочесть. Глаза быстро устали. Михаил Иванович вышел в тамбур, положив газету на скамейку у окошка. Вагон был переполнен людьми. В тамбуре стояли молодые люди с рюкзаками. Не похожие на рыбаков и охотников. От них не пахло костром и свежей чешуей. Михаил Иванович отвернулся к двери. Закурил.

– Батя, курить в электричке нельзя! – услышал он за спиной хриплый голос. Михаил Иванович промолчал. Осложнений не хотелось.

– Штраф возьмут!

– Сколько? – спросил Михаил Иванович тоном покупателя в базарной лавке. Он обернулся.

Парень лет семнадцати посмотрел на лысеющего мужика. Нарушитель правил проезда смотрел в глаза. Его кустистые чёрные брови не двигались, сморщенные веки не мигали.

– Минималок сто сдерут, – сказал парень, возвращаясь к своим.

Михаил Иванович не обратил внимания на «батю», ему было уже тридцать восемь. Для тинэйджеров он вполне мог сойти за папашу. Михаил Иванович с удовольствием затаился. Не спуская глаз со спин попутчиков, он слушал их короткие реплики. Разговором общение молодых пацанов назвать нельзя. Один что-то ляпнет невразумительное, другой размахивает руками в ответ. Слова выше понимания Михаила Ивановича, или ниже – он отвернулся к окну. До чего же быстро мчится электричка, только столбы мелькают перед глазами! На самом деле она еле ползёт. На самой дрянненькой машине Михаил Иванович добрался бы за каких-нибудь тридцать минут, а тут трясётся больше полутора часов.

– Оба-на! – выкрикнул неизвестный, войдя в тамбур.

Михаил Иванович оглянулся. Круглолицый краснощекий мужик смотрел на него и гаденько улыбался. Туристы сочувственно пожали плечами.

– Нарушаем?

Михаил Иванович кивнул, рассматривая неестественный румянец «контролёра»: лиловые географические пятна на обеих щеках.

– Сумму штрафа знаем? – он потёр толстыми пальцами, протянув ладонь как для пода-
яния.

Михаил Иванович протянул руку навстречу.

– Михаил Иванович! – представился он.

– Хоть Патрикеевич! – продолжал улыбаться «контролёр».

Нарушитель смотрел ему в глаза. Уголки губ мужика опустились книзу. Улыбка в пере-
вёрнутом виде, как свистящая в воздухе скакалка.

Ладонь «контролёра» вытянулась с подобострастием.

– Здравствуйте, Михаил Иванович, – пролепетал он, в душе плюя на себя за невесть откуда взявшуюся трусость.

– Сколько? – спросил Михаил Иванович таким же тоном, каким общался с пацанами.

Реакция была аналогичной. Лиловощёкий молча развернулся спиной и ушёл.

– Михаил Иванович! – обратился к «бате» старший из туристов. – Вы ведь в Пастухово едете?

– Да.

– Заходите на нашу базу, если что.

– Если, что?

– Ну, если, как бы переночевать негде... – сказал товарищ старшего.

Михаил Иванович морщась от слов-паразитов, поблагодарил пацанов. Он затушил окурок на верхней ступени у дверей тамбура и прошёл в вагон. Ехать оставалось минут десять, но стоять в продуваемом тамбуре не хотелось.

Внутри хозяйничал «контролёр». Он задерживался ненадолго у каждой скамейки, что-то говорил, не повышая голоса, собрав дань, передвигался к следующей лавочке. У каждого пассажира находились мелкие и крупные нарушения.

– Мы едем без багажа? – вкрадчиво спросил он у здорового детины, что в плечах раза в три шире «контролёра».

– Да, это, я ненадолго.

– Сам понимаешь, за это положен штраф. Таксу, надеюсь, помнишь?

– Сколько? – услышал «контролёр» уже знакомый голос. Обернулся, обмяк и скукожился, став ниже ростом.

– Есть правила проезда, – пролепетал он и поспешил прочь.

– Ты их придумал, тебе и отменять. Верни всем деньги! Со следующей остановки я тебя не вижу в поезде!

– Сейчас-сейчас, – засуетился мордоворот. Мысленно матерясь, он метал грозные взгляды на оштрафованных, но дрожащим голосом спрашивал: – Сколько я вам должен?

Перепуганные люди отводили прочь глаза и молчали. Пришлось ему вытащить измятую пачку денег из объёмного кармана полушубка и раздавать по одной десятке. Кое-кто брал молча, кое-кто называл сумму только что уплаченного «штрафа». Возвращающий деньги «контролёр» всей спиной и затылком чувствовал взгляд Михаила Ивановича.

На остановке, он вылетел прочь из вагона, поскользнувшись у дверей тамбура.

Оказавшись на заснеженном перроне, он помахал кулачищем окнам вагона электрички. Из следующего вагона его заметил напарник, такой же «контролёр». Решив, что кент срубил капусты по-крупному и сделал ноги, он помахал ему в ответ.

Ни один из пассажиров не поблагодарил Михаила Ивановича. Сидевшие напротив женщины убежали на другие скамейки, заставив пассажиров потесниться.

Михаил Иванович уткнулся в свою газету. Одно из объявлений было обведено красным карандашом. Он вновь перечитал:

«Требуется человек с железными нервами. Работа высокооплачиваемая. Без криминала».

Михаил Иванович много думал над каждым словом, но смысла не улавливал. Нужному человеку не требовалось ни пола, ни возраста, ни образования – только «железные нервы»! Для чего? Не иначе как для убийства. Конечно же, не людей – это уже криминал. Скорее всего, домашних животных. Подросших хрюшек или сбесившуюся любимую собачку. Михаил Иванович решил обговорить условия с работодателем. Для того и отправился в соседнюю область.

Перевалив за треть века, Михаилу Ивановичу пришлось менять профессию. «Конъюнктура изменилась», как говорит его младший брат. Михаил Иванович перестал устраивать руководство. Заведая отделением секретного НИИ генетической микробиологии в течение двадцати лет, Михаил Иванович занимался одной единственной темой. Наконец он приблизился к завершению научной работы. В последние два месяца его тема почему-то оказалась ненужной, а методы исследования – устаревшими и непригодными.

Заявление «по собственному» подписали безо всякого сожаления. Коллегиально. Ни один из вышестоящих не смотрел ему в глаза и даже не пытался скрыть удовольствия. Ещё бы! Уходил крайне неудобный, бестолковый во всех отношениях, деспотичный руководитель. В дирекции никто не мог понять, как это в наше время за копеечную зарплату, ни один сотрудник отдела доктора Зверева не покидает рабочего места до окончания эксперимента? Если

положено наблюдать за процессом неделю – станут жить в лаборатории. И всё потому лишь, что заведующий прикажет. Без крику и топання ногами.

Любой вышестоящий не любил визиты Зверева. Михаил Иванович почему-то безоговорочно подписывал любые документы в свою пользу. Начальник только хлопал ресницами, а потом долго оправдывался перед руководством.

За эту особенность Зверева, убеждать без длительных просьб и объяснений, его ценили коллеги из контролирующего ведомства. Несколько раз доктору предлагали перейти к ним, одеть погоны. Испытывая врождённую брезгливость к карательным органам, Михаил Иванович отказывался. Когда его вынудили уйти с работы, путь к чекистам преградил возрастной ценз. И бывшему учёному пришлось опуститься по социальной лестнице до средней площадки. Он не гнушался никакой работы. Одна беда – никуда не брали! И сила убеждения не помогла. Каждый работодатель, пообщавшись с ним, видел в Звереве своего конкурента. Даже если Михаил Иванович просил место сторожа. Пришлось талантливому учёному перебиваться случайными мелкими заработками. Увидев в газете странное со всех сторон объявление, Михаил Иванович поехал в Пастухово, попробовать себя как человека «с железными нервами».

Работа действительно оказалась высокооплачиваемой. За три с небольшим месяца предложили столько, сколько Зверев не мог заработать и за пять лет на прежней должности, со всеми своими категориями и степенями. Это уже не хрюшку завалить, решил он, глядя на работодателя с бесцветными глазами.

– У вас нет родственников с психическими отклонениями?

– Нет. – Михаил Иванович понял, началось собеседование.

– Есть ли у вас родственники?

– За границей или вообще?

– Скажем, в радиусе ста километров.

– Есть, – коротко сказал Зверев. Говорить о единственном брате не хотелось. Мало ли какая работёнка предстоит?

Работодатель не стал уточнять вопрос о родственниках.

– Заболевания желудка и кишечника?

– Не жаловался.

– Умеете готовить самостоятельно?

Михаил Иванович улыбнулся. Его в повара принимают? Что же нужно уметь за такие деньги? Тушить лягушек и жарить кузнечиков, не иначе!

– Значит, умеете, – заключил мужчина с бесцветными глазами. – Тогда, проблем никаких!

– Что мне нужно делать?

– Жить, – работодатель поднялся из-за стола и представился: – Алексей Исаевич Пригожин!

Мужчины пожали друг другу руки и вновь сели по разные стороны деревянного стола. Михаил Иванович осмотрел протянутые ему листы контракта. Пробежав глазами несколько пунктов, Михаил Иванович посмотрел на Пригожина.

– Удивляет отсутствие обязанностей работодателя?

– Удивляет.

– Ни к чему эти формальности! Оплата гарантирована. В случае успешной работы ваше вознаграждение увеличится втрое!

– Почему? Насколько я понял, работа не связана с риском и какими-то особыми условиями труда.

– Условия особенные, – выдохнул работодатель. – И риск есть. Оплату увеличу втрое не потому, что я щедрый! Ваши предшественники не смогли получить расчёт, только и всего.

– У них были обычные нервы?

– Да, – по-простому ответил Пригожин. – Я не психоаналитик. Человека определить с первого взгляда сложно. Оба уверяли, что для них такая работа – пустячок!

– Они живы?

– Живы. Только денег давать им нельзя, по закону. Недееспособны. А родственников – никаких! Мне казалось, наоборот, без жён, детей, тёщ нет помех для работы, а вышло хуже – денег некому отдать.

– Недееспособны, сидят что ли?

– Лежат. В психушке. Нервы нужны на этой работе. Я сам выдержал только неделю.

– Что нужно делать? – повторил вопрос Михаил Иванович, понимая, что работодатель тянет. Если ознакомит с характером работ – обратного пути не будет. Но Зверев не собирался отказываться.

– Вы, получается, согласны? – с удивлением спросил Пригожин.

– Потому и приехал.

– Хорошо. О последствиях вы уже знаете, поехали дальше! – начальник пожевал губами, будто размышлял вслух. – Вас забросят вертушкой за девяносто километров в глухую тайгу. Сто дней нужно будет следить за работой подстанции. Специального образования не потребуется. Проверять уровень масла в трансформаторах, всего и делов! Жить в избушке с электроотоплением. Продуктов завезём на полгода.

– За зиму можно и подружку завести, – улыбнулся Зверев.

– Михаил Иванович! Завести можно кого угодно. Главное, чтобы производство не страдало! Кстати, контракт внимательнее прочтите! – посоветовал Пригожин и, не прощаясь, вышел из кабинета.

Михаил Иванович не спешил. Первым делом он обдумал положение, в которое попал. Работа пустяковая, деньги приличные. Предшественники попали в психушку. С обязанностями ознакомили, а контракт лежит неподписанным.

Вставай и уходи – никто не задержит! Охраны у входа никакой. Пригожин – человек со странными глазами – ничего не скрывает, но и не рассказывает. Интересно, как он сам «выдержал» в тайге целую неделю? Те несчастные, похоже, свихнулись от одиночества. Такое бывает с людьми, привыкшими к общению. Себя Зверев считал уставшим от общества. Грех не воспользоваться возможностью отдохнуть от людей да ещё заработать на этом кучу денег.

Михаил Иванович перечитал контракт и не нашёл в нём ничего похожего на обман. Забросят в тайгу, оставят на три с небольшим месяца, затем заберут обратно. Расчёт здесь, в конторе. Но к чему такие сложности? Если двое поочередно сошли с ума от одиночества, почему бы ни послать на объект нескольких человек – кто откажется от таких денег? Вычесть за питание, поделить сумму надвое, да и всё.

Зверев мысленно вернулся к Пригожину. Заторможенный человек с замороженным взглядом. Предлагает работу так, что любой откажется. О деньгах говорит в последнюю очередь, больше о трудностях. Или он разоткровенничался под влиянием моих вопросов.

Это влияние Зверев отмечал за собой в последние два года. Оно помогало управлять поступками людей, но не управлялось самим Михаилом Ивановичем.

Любой человек исполнял его волю, если у Зверева возникало в подсознании сильное желание. Но хотеть направленно и осознанно он не мог. Зверев свыкся с этой силой, но пользы от неё не ощущал. Всегда хотелось каких-то пустяков. Другой пожелал бы, к примеру, чтобы кассирша выдала десять зарплат, вместо одной. Или в магазине отдали сдачу: тысячу с одной копейки!

– Если согласны, подписывайте! – закончил размышления Зверева вернувшийся работодатель. – Тогда сегодняшний день пойдёт в счёт рабочего времени. Покажем вам нехитрую установку, а завтра утром доставим к рабочему месту.

– Я не смогу съездить домой за вещами?

– Всем необходимым обеспечим. Электричество у вас будет.

– Телефон?

– Телефона нет. Компьютер вам ни к чему.

– А поиграть?

Алексей Исаевич улыбнулся и покачал головой.

– Понял. Не ребёнок. Работа есть работа.

– Отлично! Как подпишете контракт, так пойдут деньги!

Теперь Пригожин вставлял слово «деньги» в каждое предложение. Михаил Иванович посмотрел в ничего не выражающие бесцветные глаза. Боится отказа? Зверев размашисто подписался. Пригожин над печатью поставил свою подпись.

– Увидимся завтра и... через три месяца! – пообещал Пригожин. Выглянув в коридор, позвал: – Володя, войди!

Тотчас в кабинете появился мужичок в форменной телогреечке с оранжевой вышивкой на груди: молния рассекала земной шар.

– Покажи Михаилу Ивановичу трансформатор! Объясни, что да как. Потом проводи человека в гостиницу! Номер я забронировал, – сказал он Звереву, – не «Люкс», но приличный.

Володя поглядел на нового работника.

– Пошли, что ли.

– Пошли!

Володя оказался мужиком простым и весёлым. Устройство трансформатора он разъяснил в двух словах.

– Получает пять соток, выдаёт двести двадцать. Масла жрёт как старый «Москвич» и так же крихтит от старости. Сюда глянь! – Володя поднялся на лесенке к крышке трансформатора, утыканной штырями с фарфоровыми изоляторами. – Вот уровень. Так держишь, и вся любовь! Остальное: охота, рыбалка.

– Ты там был?

– Упаси, Бог! Мне и тут неплохо.

– А сколько тут зарабатываешь?

– Всё моё, – помрачнел Володя. Отвернулся. Похоже, инструктаж закончен.

– Там-то больше платят? – наивным тоном спросил Зверев.

– Ты что сравниваешь? – разозлился мужик. – Тут пятисотка, а там во-о! – он взмахнул руками, образовав большой овал над головой. Покачнулся, чуть не упал с узенькой площадки. Зверев поддержал инструктора за спину.

– Туда простых смертных не берут, – сказал Володя, когда они спустились на землю.

– Только бессмертных?

– Ты сам, откуда будешь?

– Из НИИ, – сказал Михаил Иванович.

– Видишь? А нам, с технарём-то? До тебя два архаровца были откуда-то чуть не с Академии! А ты говоришь, заработки! – Володя махал руками, всё больше распаляясь. Михаил Иванович участливо молчал.

– За три месяца на своих машинах укатали! А тут, пашешь-пашешь, скоро болт отвалится. – Володя провёл ладонью по ширинке. – А взамен тебе пачку молока на месяц!

Михаил Иванович понял, Володя ничего не знает. Больше вопросов у Зверева не было. До гостиницы добрались молча.

В отеле его встретили как почётного гостя. Непрестанно улыбалась комендантша, ластилась горничная. Услуги оказались, как обещал Пригожин, не люкс, но на высоте. С постояльца взяли деньги, выдав лист расценок: за уют, телевизор и за чай в номер. Никакой халявы! Всё серьёзно, со вкусом.

В номере на столе лежала папка с документами.

– Кто-то забыл? – спросил Михаил Иванович у сопровождавшей его комендантши.

– Это ваше! Алексей Исаевич просил сказать, чтобы вы ознакомились и вернули на вахту сразу после обеда.

– Алексей Исаевич, он владелец гостиницы?

– Он владелец города! – комендантша продолжала улыбаться. Голова у неё была идеально круглой, похожей на колобок. Пшеничные кудри и масляные губы дополняли аппетитную картинку.

– Мэр что ли? – продолжал удивляться Зверев.

– Да шо тама мэр? Дармод! Алексей Исаевич у нас директор градообразующего предприятия! – румяные щёки комендантши наполнились гордостью.

– Понял, – Михаил Иванович присел на кровать. Комендантша раскланялась, пригласила гостя через полчаса к обеду. Ушла, оставив в двери ключ от номера. Зверев вынул его. Брелок в виде деревянного бочончка, на дне которого выжжено вместо цифры «VIP». Михаил Иванович осмотрелся. Номер-то, почти президентский! Зеркало без единой трещины, и кровать скрипит как-то деликатно.

Михаил Иванович присел за стол, раскрыл оставленную для него папку. Внутри оказалась анкета о семи листах. С таким опросником впору в космонавты наниматься! Он принялся заполнять анкету. Некоторые вопросы предусматривали варианты ответов, на другие приходилось писать собственноручно. На иные вопросы Зверев ответить не мог. Например, «в каком возрасте появились «зубы мудрости?» Или «с какой ноги вы встаёте чаще?»

Из интереса Михаил Иванович заполнил анкету до конца. Посмотрел на мелкий шрифт внизу последнего листа. Там сообщалось, что анкета разработана Ленинградским филиалом РАМН, в отделении психиатрии. Что же это, подготовка очередного пациента? Выяснили размеры одежды и обуви, узнали о любимых предметах гигиены, влезли в подсознание и проверили память, вдобавок ко всему вывернули трусы наизнанку! И это только для того, чтобы залить масло в трансформатор. Зверев решил узнать правду сегодня же.

Возвращая анкету комендантше, Зверев подал папку, но не спешил выпускать её из рук. Михаил Иванович смотрел в глаза женщины с табличкой на пухлой груди «ОКСАНА».

– Что-то забыли дописать?

В глазах Оксаны ничего, кроме участливой тупости. Похоже, она понятия не имеет о вопросах анкеты. Зверев растерянно улыбнулся. Отдал папку. Откровенничать с комендантшей не хотелось. Чего доброго, примут за перепуганного мышонка и откажут. В контракте, кстати, оговорено: «работодатель вправе расторгнуть договор в одностороннем порядке в случае профессиональной непригодности работника». Пригодность определяет анкета. Там много вопросов связано со страхом: от детского до животного и панического.

Безо всякого аппетита Михаил Иванович расправился с комплексным обедом из зарубежных полуфабрикатов. Котлеты пахли мясом, но жевались как прессованная промокашка. В тарелке плавали кружочки жира, но к ложке они не прилипали. Аккуратненькие кусочки хлеба толщиной со стирательную резинку не возбуждали аппетита. К тому же, вкусом были похожи на резиновый ластик. На блюде лежало нечто похожее на стельки для кедров: кусочки твёрдого сыра вплавленного в серое тесто. Михаил Иванович проверять вкуса пиццы не рискнул. Он пожалел, что в анкете проявил терпимость к пище из полуфабрикатов.

Времени было много, Михаил Иванович вышел из гостиницы. Решил прогуляться по городку. В России полным-полно населённых пунктов со званием города, где населения тысяч десять, а то и меньше. Зверев прошёлся по скучным магазинчикам с одинаковым набором товаров. Жвачки, «памперсы», «тампаксы», чай в пакетиках и вакуумные упаковки «готовых котлет» – меню гостиничной столовки.

Жизни вдали от такой цивилизации в течение трёх месяцев можно только радоваться. А если все продовольственные запасы составлены из таких продуктов? Интересно, хватит ли

заработанных денег на лечение желудка? Зверев улыбнулся. Наверняка и на реабилитацию останется.

Михаил Иванович вышел из душного магазина. Дул резкий ветер с колючей снежной крупой. Праздношатающихся по улице было немного. На высокое деревянное крыльцо поднялась ватага пацанов. Один из них остановился у дверей местного «супермаркета». Он развернулся и побежал за мужиком, назвавшимся в тамбуре электрички Михаилом Ивановичем.

Парень подбежал к Звереву, потянул его за рукав дублёнки.

– Михаил Иванович!

– Здравствуй! – сказал Зверев. Появление едва знакомого паренька обрадовало его.

– Меня зовут Сергей, – парень в спортивном костюме машинально протянул руку. Тотчас, смутившись, опустил её и спрятал ладонь за спину.

– Будем знакомы! – Михаил Иванович протянул руку.

Пожатие Сергея было деликатным. Чувствовалось, не желает показать силу. Но и малой хватило, чтобы хрустнула ладонь Михаила Ивановича. Зверев никогда не занимался спортом. Физкультуру терпеть не мог с первого класса, предпочитая уличным играм занятия с конструктором и пластмассовыми солдатиками. Росту в нём было чуть больше полутора метров. Уши с торчащими из них пучками волос располагались много выше бровей. Казалось, они начинают расти с уровня глаз. Высокий лоб уходил куда-то за темя, потому что волосы остались только на висках. Глаза Михаила Ивановича не выцвели, как это бывает у всех кареглазых. Они оставались чёрными и живыми.

Молодой человек, назвавшийся Сергеем, был хорошо физически развитым. Его пружинящая походка выдавала кипучую натуру. Глядя на него, Михаил Иванович определил: такой человек может в момент мобилизоваться и действовать. Он лидер. Зверев предложил Сергею зайти в кафе, выпить чего-нибудь. Парень согласился. Некоторое время они шли молча. Михаил Иванович чувствовал, у Сергея есть важная информация.

– Зайдём? – Сергей кивнул на вывеску «Биг-Мак».

Зверева затошнило. Он посмотрел на противоположную сторону улицы. Заметил «рюмочную», от её вида стошнило ещё сильнее. Всё-таки поколение «Пепси» иногда мудрее, решил Михаил Иванович.

– Зайдём, – согласился Зверев, увидев через окно пустующие столики.

Они вошли в грязный коридор. Бабушка в синем халате потребовала сдать одежду. Михаил Иванович вынул из карманов дублёнки бумажник и портсигар. Сдал одежду, поблагодарил безучастную бабулю и двинулся вслед за молодым спутником. Сергея не заставили раздеваться. Спортивная куртка, по-видимому, не является верхней одеждой.

Они присели за крайний столик. Тотчас подбежала шустрая девчушка в бейсболке с длиннющим синим козырьком. Курчавые русые волосы были заправлены под ворот халата. Она подскочила как заправский футболист, обогнув на ходу коллегу увальня, собирающегося обслужить посетителей.

– Что будете? – спросила она вежливо, но без подобострастия.

– А что есть? – спросил Михаил Иванович. Прочтя имя официантки вязью вышитое на её мощной груди, Зверев добавил, – Наташа.

– Перед вами меню!

– А тебя? – решил сострить Сергей.

– У нас приличное заморское заведение! – без злобы сказала Наташа. Глаза её светились.

– А еда приличная? – спросил Михаил Иванович, поморщившись.

– На любителя!

– Пиво есть в детском кафе?

– Сейчас оно считается напитком безалкогольным! – Наташа моргнула обоими глазами, показав длинные натуральные ресницы.

- Мне гамбургер и большой бокал колы! – сказал Сергей, пробежав глазами по меню.
- А вам? – склонилась Наташа к пожилому посетителю в тёмно-зелёном пиджаке.
- Пива и, – Зверев покрутил пальцами, – пива, – закончил он заказ.
- Два пива?
- В одну кружку.
- У нас разовые стаканчики.
- Тогда большой стакан!
- Фисташки, кириешки?
- Лобстеры, – улыбнулся Михаил Иванович.
- Поняла, – сказала Наташа и умчалась.
- Интересно, что она поняла, – пробурчал Зверев.
- Принесёт лобстеров, – предположил Сергей.

Михаил Иванович заскучал. Всё, что хотел сказать молодой турист, читалось на его лице. Похоже, Сергей принял незнакомого коротышку за известного телерепортёра (это сходство подмечали многие) и решил пригласить его на турбазу для какой-нибудь конференции-брифинга, или как там у них называется. Или его послали уговорить журналиста взять интервью у начальника базы? Михаил Иванович при всём желании сделать этого не мог.

– Курить здесь, конечно, нельзя, – сказал он вслух, показав взглядом на столики, на которых не то что пепельниц, обычных солонок не было.

Сергей заёрзал на пластиковом стуле. Говорить в присутствии общительной официантки не хотелось. Где же она болтается до сих пор? Неужели разогреть одинокий гамбургер такая проблема? Или пошла удить лобстеров?

Михаил Иванович промолчал. Начавшему разговор труднее отказываться от предложения собеседника. Наташа, наконец, появилась. Она поставила на столик поднос с заказом. Лобстеров, конечно, не было. Официантка быстро освободила поднос и попросила расчёт.

– В приличных заморских заведениях деньги берут сразу, не дожидаясь смерти клиента от отравления? – спросил Сергей.

– Наверное, – официантка пожала плечами. Как будто не она только что шутила по поводу заморских заведений. Настроение Наташи исчезло. То ли лобстеров не нашла, то ли поговорила по телефону со свекровью.

Михаил Иванович рассчитался за пиво, не поинтересовавшись его названием. Не имело смысла выяснять у насупившейся официантки происхождение пива. Всё равно из одной бочки! Сергей не стал хохмить, отсчитал деньги до копейки и выложил поверх листа меню.

Наташа забрала деньги и ушла, не спросив о дополнительных заказах и не пожелав приятного аппетита. Оно и понятно, ни в одном заморском языке такого словосочетания нет.

- И что? – спросил наконец Зверев. Молчание собеседника становилось угнетающим.
 - Михаил Иванович, вы устроились на подстанцию?
 - Да, – ответил ошарашенный Зверев.
 - Какой вам интерес одному зимовать в тайге?
- Михаил Иванович поднял лохматые брови.

- Финансовый.
 - Де-деньги? – поперхнулся собеседник.
 - Серёжа, – протянул Зверев, – думаешь, у меня их куры не клюют?
 - У вас и кур-то нет, – улыбнулся Сергей.
- Зверев отпил пива и зажмурился.

- Вы знаете о судьбе ваших предшественников?
- Какая бы ни была их судьба, я принял решение.
- Они находятся в психушке, – сказал Сергей и по выражению лица Михаила Ивановича

понял, для него это не новость.

– Сергей, для чего ты затеял этот разговор? – спросил Зверев, наклонившись над столом. Голоса он не понижал, но выглядел заговорщицки.

– Михаил Иванович, вы сильная личность, – Сергей помолчал, подбирая слова, – но никакие деньги не помогут вновь стать человеком.

– Из обезьяны?

– Хуже. По их терминологии, из «овоща».

– Какой у тебя интерес?

– Второй сторож был моим знакомым. Хорошим парнем. Он хотел жениться. Вот на этой Наташе, – Сергей кивнул в сторону стойки кафе. – Её родители поставили условие: никакой торжественной свадьбы. Потому что он женился во второй раз. Наташа, узнав это, возмутилась. Лёха плюнул на всё и решил заработать на свадьбу. Для этого согласился на сумасшедшую работу.

– Сколько ему обещали?

– Сто тысяч, – вполголоса сообщил Сергей.

Михаил Иванович согласно кивнул. Правильно. Ему обещают заработок за троих. Триста тысяч долларов – по три в день! Где ещё дадут такие деньги? Пригожин второпях сунул контракт, а теперь отговаривает. Сам и через знакомых.

– Жаль друга? – спросил он вслух.

– Он был нормальным, весёлым парнем!

– Что-нибудь рассказывал, когда вернулся?

– Доктор сообщил, что он уже никому ничего не скажет.

– Сергей! Тебе, какая разница, поеду я на работу или нет? – Михаил Иванович посмотрел в глаза собеседнику. Он хотел услышать честный ответ и не сомневался в этом.

– Пригожин сволочь, – сказал Сергей и опустил голову.

– Почему?

– Он вам сказал, что люди после зимовки уезжают на собственных машинах?

– Он сказал правду. А в объявлении написал, что нуждается в человеке с железными нервами.

– Это ловушка! – выкрикнул Сергей. Он не знал, как ещё отговорить Зверева от опасной командировки. Жаль человека способного одним взглядом заставить громилу выпрыгнуть из электрички.

Люди за дальним столиком повернули головы.

– Я уже подписал контракт.

– Так быстро? – глаза Сергея расширились.

– А твой знакомый долго думал?

– У него были особые обстоятельства.

Михаил Иванович решил, что разговор ни к чему не приведёт. Он допил пиво, встал из-за стола, протянул руку.

– Будь здоров.

– Он отец города, – быстро зашептал Сергей. – Все работают на него и служат только его интересам. Вы подумайте, понаблюдайте и откажитесь!

– Обязательно, – заверил Михаил Иванович. Пожал руку и вышел из кафе.

Зимнее солнце расходовало энергию экономно, как сороковатная лампочка: ни тепла, ни света. Зверев улыбнулся. Стал уже мыслить как настоящий электрик. Это судьба!

А насчёт понаблюдать, Сергей прав, пожалуй. Попал в самую точку, что называется. Михаил Иванович с детства любил наблюдать. За людьми и их поступками, за поведением животных, а впоследствии – жизнедеятельностью микроорганизмов. Наблюдать, анализировать, делать выводы. Только вот, добывать информацию по-шпионски Зверев не умел: подслу-

шивать, вынюхивать, заглядывать в мусорные ящики не обучен. Он решил проанализировать имеющиеся наблюдения.

Зверев вспомнил всех, встречавшихся ему в Пастухово. При разговоре губы каждого местного человека вытягивались точно так же, как у господина Пригожина. Это легко объясняется особенностями местного диалекта. Уважение гостиничных работниц к начальнику градообразующего предприятия – это не подхалимаж, а жизненная необходимость. Любому начальнику не по душе огласка двух подряд случаев сумасшествия, поэтому Пригожин придумал легенду об автомобилях. Уехали на заработанных машинах, и все дела. В прошлом руководитель, Михаил Иванович прекрасно понимал, что нет такого работника, который бы ни плюнул в след своего начальника. Так и этак обдумав имеющиеся факты, Зверев не нашёл ничего словочного в личности Пригожина.

Михаил Иванович задержался в холле гостиницы. Он присел у журнального столика, полистал прессу.

– Интересуемся историей города? – проскрипел над ухом старческий голос.

– Да, – Михаил Иванович обернулся, не выпуская из рук местный альманах. Перед Зверевым стоял древний старичок в очках с гнутой алюминиевой оправой. Сквозь мутные стёкла проглядывали столь же мутные очи.

– Издалека? Надолго? По каким делам? – забросал вопросами дедок.

Михаил Иванович молча посмотрел на старика.

Дед повторил вопросы.

– Из России, – Михаил Иванович решил отвечать по порядку, но не точно, – на зимовку, деньги зарабатывать.

– В тайгу отправишься?

– Да.

– Как уж получится.

– А ты смотри, – дед уселся рядом, сложил руки на столик, – чтобы получилось. Без свежатинок ноги протянешь.

– Что за зверь тут водится?

– Не будь ребёнком, – прошамкал дед. Задумался. Несколько раз вдохнул и выдохнул, свистя изношенными лёгкими. Молчал и Зверев.

– Бойся лукавого, – сказал, наконец, дед. – Зимний лешак покруче летнего заворачивает.

– А что делать? – спросил Зверев. Дед начал забавлять его.

– Шубейку свою вывороти наизнанку. Да обувку переметни!

– Шубу я выверну, а с сапогами-то как? Правый на левую ногу?

– Правый на левую! – передразнил дед, при этом совсем не шамкал. – Не сапоги, а валенки! Валенки одевай в тайге! И в рот, что попало, не пихай! – последний совет дед дал, глядя в замороженное окно.

Михаил Иванович смотрел на сморщенное лицо деда и молчал. С кем старик разговаривает? Выпал из реальности. Наверное, видит перед собой внука или внучку.

– И повторяй вслух и про себя: «Господи, буде мне грешному!»

– Дед! Ты верующий?

– На войне атеистов нет! – дед отвернулся от окна. – Много спрашиваешь, мил человек. Михаил Иванович удивился. Кажется, он задал единственный вопрос.

– Запомнил, что я сказал?

Зверев посмотрел на деда. Тот приподнял очки и показал глаза, покрытые мутной тонкой плёнкой, как у седого ворона.

– Запомнил.

– Тогда в путь! – дед с трудом поднялся и прошлёпал мимо столика администратора.

Зверев посмотрел на окно. Наледь снизу стекла образовала таёжный рисунок. Здесь были хвойные ветви, заснеженные вершины гор. На свободном от толстого слоя наледи стекле застыли в падении неправдоподобно огромные снежинки. В нижнем правом углу стекла располагалась избушка на курьих ножках. Чем дальше Михаил Иванович рассматривал рисунок, тем больше предметов виделось ему. Возле избушки сидела чёрная Баба-Яга. Её лицо вытянулось, левый глаз моргнул. Обнажились острые клыки как в фильмах о вампирах.

Зверев зажмурился с силой, затем открыл глаза и отвернулся от привидевшегося. Снова посмотрел на окно – никаких рисунков не увидел. Обычная беспорядочная кристаллизация диполей воды!

Михаил Иванович вспомнил слова Сергея о том, что ни за какие деньги не вернуть психического здоровья. Если уже сейчас начинаются видения, не лучше ли расторгнуть контракт и бежать отсюда без оглядки?

– Похоже на избушку на курьих ножках! – раздался звонкий детский голос за спиной Зверева. Михаил Иванович оглянулся. На руках седой бабули сидела девочка и тыкала указательным пальцем в сторону окна.

– Ага, и Баба-Яга рядышком! – просюсюкала бабуля.

Зверев едва не хлопнул в ладоши от радости. Галлюцинаций, как известно, у троих одновременно не бывает!

– Она ещё подмигивает! – сказал Зверев, обращаясь к бабушке.

– Это добрая Баба-Яга! – сказала девочка.

Михаил Иванович убрал руку с широкого подоконника. От батареи шло сильное тепло. Ему стало понятно, откуда на заледенелом окне проступили тёмные силуэты избушки и скрюченной бабки.

Бабуля с внучкой прошли вглубь холла к телевизору. Михаил Иванович смотрел им вслед и думал. Почему в гостинице столько стариков? Или в Пастухове это единственное культурное место?

Зверев выпрямился, отряхнул рукав пиджака от облезавшей с подоконника белой краски. Подходя к лестнице, он оглянулся. На замороженном стекле увидел мазню начинающего морозца-художника: широкой кисточкой, бесформенную и неуверенную.

В холле у телевизора на деревянных стульях сидели люди одетые в зимние пальто и полушубки. Какой-то тип на экране пытался угадать слово с одной неизвестной буквой из пяти. Старички подсказывали ему вслух, стуча кулаками по коленкам. Бабушки сидели поодаль и болели намного пассивнее. Они разговаривали вполголоса, но крепкими словами.

Зверев ушёл в номер. Множество впечатлений за несколько часов требовали вдумчивой оценки. Возможно, это последнее общение с миром людей. Михаил Иванович выругал себя за упаднические настроения. Подвернулся случай испытать нервы за хорошие деньги, к чему перегружать себя лишней информацией? Он прикрыл веки, решив подремать до ужина. До шести вечера ещё далеко, Михаил Иванович уткнулся лицом в подушку и потихоньку засопел.

Настойчивый стук в двери прервал отдых постояльца.

– Ужин, – сказал кто-то из-за двери.

– Не нужно, – Звереву захотелось продолжить дрёму.

– Михаил Иванович! Ужин входит в оплату за номер VIP!

Зверев открыл дверь. У порога стояла молоденькая девушка с подносом в руках. На нём стояла баночка пива и пакетик с фисташками.

– Скромненько.

– Но со вкусом.

Зверев посмотрел на горничную. В её форменном фартучке не было карманов, девушке некуда было лезть за словом. Михаил Иванович улыбнулся.

– Если хотите картофельного пюре с минтаем, спуститесь в столовую.

– А пюре с бифштексами? – пошутил Зверев.

– Будет, но не у нас, – девушка не улыбалась, но и не злилась. Горничная поставила поднос на стол, пожелала приятного аппетита и удалилась.

– Буфет у вас до сколько? – спросил Зверев, выглянув в коридор.

– Круглосуточно.

Зверев включил телевизор, пощёлкал тумблером. Работало только два канала. Михаил Иванович выбрал первый. Шла передача о сверхъестественных способностях человека. Имитация научного поиска как раз под пиво, решил Зверев. Он сел за стол, посмотрел на баночку. Михаил Иванович не любил крепкое пиво, оно всегда отдавало плохоочищенным спиртом. Однако всё оплачено, никуда не деться. Михаил Иванович открыл баночку.

Диктор, оставаясь за кадром, что-то говорил об уникальных младенцах. Способности вундеркиндов он связывал с особенностями родов. Михаил Иванович поперхнулся.

– Через запасной выход? – спросил он у диктора. Пиво приятно пузырилось в горле. Казалось, пары его проникают в мозг. Михаил Иванович прикинул, сколько баночек такого пива он сможет купить на свой заработок. Он ясно представил себе гостиничный холл, заставленный под завязку ящиками с пивом.

Улыбнулся.

– Стоит обратить внимание, – сказал диктор, – что биомеханизм родов отличается в деталях.

Михаил Иванович встряхнул баночку. Осталось чуть меньше половины. Он отхлебнул поменьше. Диктор продолжал посвящать в тайны рождения вундеркиндов. Зверев ощупал голову в поисках бугров гениальности. Рассмеялся своему глупому порыву. Какую чушь передают! Человек незнакомый с медициной поверит и станет фанатиком Ламбразо. Да, всё возвращается на круги своя. Сегодня подают теорию Ламбразо подкрашенную временем, завтра вынут на свет концепцию мальтузианства. Михаил Иванович допил пиво, не сводя глаз с телевизора. На экране не на шутку разыгралась метель. Причём, даже в помещениях. Пургой заметало руки акушерки, запорошило лицо несчастной роженицы. Или артистки, что, скорее всего, решил Михаил Иванович. Зверев почувствовал ясность и простоту мыслей, недалёкую от гениальности. По опыту знал, такое состояние недолгое. Вскоре начнётся головная боль из-за малой дозы спиртного. Не утруждая себя сомнениями, Михаил Иванович спустился к буфету. У витрины задумался. Если взять большую пластиковую бутылку, то придётся допивать её до конца. От этого утром голова станет тупой. Взять маленькую баночку? Но где гарантия, что не придётся приходить сюда ещё раз?

– Пива? – спросила продавщица. Как будто у неё было что-то ещё.

– Пива, – повторил Зверев.

– Какого?

– Чешского, – пошутил Зверев. Ассортимент, представленный на витрине, ограничивался Ярославской областью.

– Подождите, – продавщица вышла из ларька. Закрывает дверь на замок.

– Вы в Чехию?

– Почти. Вернусь через пару минут!

Зверев остался стоять у витрины ларька, называемого буфетом. От нечего делать прочёл расписание работы. Всё как положено: перерыв на обед, технологические перерывы. Он подсчитал чистое рабочее время за сутки, получилось восемнадцать часов. Интересно, платят за целые сутки или как? Мысли переключились на свою работу. Если заправлять трансформатор один раз за трое суток – за что платить тройную ставку?

– А-а, ёть-тыть! Смертник! – хлопнул его кто-то по плечу.

Зверев обернулся. Перед ним стоял, еле держась на ногах, грязный мужичок с недельной щетиной.

– Откуда знаешь? – спросил Михаил Иванович.

– Дак, ёть-тыть, – мужик уронил непослушные руки. – Все уж знают!

– Мои предшественники вернулись на собственных машинах.

– Ага! В каретах! – мужик сложил пальцы крестом.

– Пива хочешь? – спросил Зверев. Захотелось узнать побольше от пьяного болтуна.

– Лучше водки, – мужик с силой сглотнул пересошим горлом.

– Водку не продают.

– Эть-те не продают, а мне – дадут! – мужик протянул промазученую ладонь. – Стольник дай! Через десять минут буду у тебя!

– Знаешь, где я остановился?

– Как же ж? В «ВИПе»!

Зверев вынул из кошелька сто рублей, отдал мужику. Пьяненький заинтересовывал его всё больше. Легенда Пригожина сработала не для всех!

Смяв деньги, мужик сунул их в передний карман латаных рабочих брюк. Он опёрся о прилавок, несколько раз глубоко вдохнул и, стараясь не шататься, двинул к выходу из гостиницы.

– Не знаю чешское ли, польское ли, а другого нет! – сказала вернувшаяся женщина в белом халате с синими бабочками. В руках она держала тёмные бутылки с замасленными жёлтыми наклейками. Между пальцами, по три в каждой руке.

– «Старый пердун» – сообщила торговка, показывая покупателю еле различимые латинские буквы на этикетках. Михаилу Ивановичу ударил в нос запах перебродившего вина.

– «Старопрамен» – догадался Зверев.

– Берёшь, или?

– Беру! – Михаил Иванович расплатился.

– Сёдня такого больше не будет, – сообщила женщина, открывая «буфет».

Михаил Иванович хотел сказать, что сегодня уже не придёт. Поглядев на бутылки, он не поручился за это.

В номере продолжал работать телевизор. Помех стало меньше. Шёл концерт современных исполнителей. Михаил Иванович давно уже не слушал бессмысленные тексты, отмечал лишь мастерство прыжков. Когда «певуны» стояли, целуя микрофон, он отключал телевизор. Сегодня они не раздражали.

Пиво, не смотря на соседство с растительным маслом, оказалось похожим на чешское. Михаил Иванович, смакуя, выпил первую бутылку. Со второй расправился значительно быстрее. Ждать мужика бесполезно. Михаил Иванович мысленно похвалил находчивого алкаша. Правильно. Прежде чем попрошайничать – заинтересуй человека!

Глядя на экран телевизора, Зверев пил пиво и соображал, куда потратит заработанные деньги. Машину не хотел, квартира у него была. Семья распалась пять лет назад. Прожив совместно десяток лет, супруги мирно расстались. Детей не нажили – терпеть друг друга стимула не было. Женились по первой любви. Романтика закончилась, исчезли чувства. Родителей своих он не знал. Вместе с братом, на два года младше его, Михаил Иванович бок о бок прожил в интернате. Так же прошли школу жизни в медицинском институте. Оба не стали врачами. Михаил Иванович избрал научную стезю, брату Толику приглянулась журналистика. Начав с коротких заметок в скромных газетках, он выбрался на общероссийский уровень. Теперь Анатолий Иванович имел собственный раздел в популярном журнале, часто выступал по телевидению, успел опубликовать научно-популярную книгу о психических возможностях человека. В деньгах он не нуждался, часто помогал старшему брату – мученику науки.

Размышляя, Михаил Иванович допил пиво. Лёг и сразу уснул. Ночью его не тревожили ни сны, ни люди. Проснулся Зверев по привычке в шесть утра.

Пользуясь VIP-положением, он побрился в номере из действующей розетки возле телевизора. Ослабевшей после вчерашнего рукой, Зверев потрогал раскуроченный шланг душа, усмехнулся.

К семи утра пришла будить горничная. Девушку сменила женщина средних лет. Она пораздовалась, что постоялец уже на ногах, но посетовала на количество пустых бутылок с неопознанными этикетками.

– Это всего лишь пиво, – сказал Михаил Иванович, отведя глаза в сторону.

Горничная ушла. Голова Зверева отказывалась работать. Ни одна извилина не желала шевельнуться в глухой пустоте. Мозг отдыхал, тело двигалось автономно. Михаил Иванович собрал дорожную сумку и направился в контору к Пригожину.

– Готовы, Михаил Иванович?

– Когда вылетаем?

– Через полчаса. Не хотите позвонить брату?

– Если я вернусь в «собственной машине» с красным крестом, мою зарплату отдадите брату? – спросил Зверев.

– Да, – сказал Пригожин. Ответ понравился Звереву. Без экивоков, коротко и понятно.

Михаил Иванович сел к телефону. По памяти набрал несколько номеров, ни один не отвечал.

– Пока не подъедет машина, звоните, – посоветовал Пригожин. – Брату, его жене, на прежнюю работу.

– Зачем вам это нужно?

– Это нужно вам.

Пригожин вышел из кабинета. Ему доложили о покупке постояльцем шести бутылок пива. О встрече Зверева с раздолбаем Сёмкой. Этот алкаш работал по найму – иначе было нельзя. Без путного специалиста-ремонтника релейки не обойтись, хотя за прогулы из-за пьянки его следовало уволить. Так и держал его Пригожин на коротком поводке: платил мало, но требовал устранять каждую аварию, каковая случалась редко за счёт профилактики, проводимой тем же алкашом Сёмкой.

Зверев не стал искать пьяного Семёна, это хорошо. С другой стороны, Зверев безразличен к деньгам и общению. Такой человек может бросить производство. Пригожин насторожился. Зима – лучший дорожный строитель. Намертво скованы непроходимые хляби, а на подстанции пара охотничьих лыж.

Летом они не нужны, а к зиме забрать забыли. Поручить вертолётчикам? Зверев заподозрит в недоверии. Вдруг после этого Михаил Иванович пожелает улететь обратно, не в тюрьму же его привезли?

Пока Пригожин ломал голову над неожиданно свалившимися на него вопросами, Зверев размышлял, глядя на аппарат с ярко-красными кнопками с затёртыми цифрами. По фрагментам тёмно-синего цвета можно было догадываться, где какой номер. Пользоваться советами нового начальника не хотелось. Звонить на место бывшей работы не имело смысла. Как и жене брата. Зверев набирал и набирал служебные номера телефонов Толика. Наконец кто-то соизволил подойти к аппарату.

– Я вас слушаю, – заявил женский голос. Секретарша?

– Мне нужен Анатолий Иванович Зверев.

– Представьтесь, пожалуйста.

– Михаил Иванович Зверев.

– Где вы находитесь?

– К чему столько вопросов? Зовите Анатолия Ивановича или кладите трубку.

– Анатолий Иванович в командировке. Он просил поговорить с вами, когда объявитесь.
– Объявился. Говорите!
– Я и спрашиваю, где вы находитесь?
– Это нетелефонный разговор. – Михаил Иванович знал, что не в правилах брата доверять что-либо секретарше.

– Вы очень далеко?

Зверев молчал. Упорные намерения узнать его местоположение настораживали.

– Брат просил передать вам, что его не будет в течение трёх месяцев. И хотел, чтобы вы никуда не выезжали.

– Чем-то мотивировал свою просьбу?

Секретарша молчала. Михаил Иванович понял, пришёл ей на помощь.

– Как это объяснил?

– Никак, – цыкнула секретарша жвачкой, – просто сказал и всё.

– Поэтому вы спрашиваете, где я нахожусь?

– Да.

– Записывайте, – Михаил Иванович назвал городишко, начальника электростанции.

Сообщил о предстоящей ему зимовке в тайге.

– Когда закончится ваша командировка?

– Через сто дней.

– Что передать Анатолию Ивановичу?

– Привет! – Михаил Иванович положил трубку. Зачем звонил? Передать привет Толику через малограмотную секретаршу.

Под окном заурчал воинский «Уазик». Зверев вышел из кабинета. В коридоре встретился Пригожин.

– Михаил Иванович, до истечения срока договора обратного пути нет, – напомнил Алексей Исаевич.

– Хотите убедиться в «железности» моих нервов?

– Уже убедился, – улыбнулся Пригожин. – В добрый час!

Зверев сел в машину. Других пассажиров не было. Разговаривать с водителем не хотелось. Михаил Иванович желал побыстрее сесть в вертолёт да подремать.

На взлётной площадке ожидал крупный вертолёт. Его брюхо было окрашено в красный цвет. Пожарная «восьмёрка», подумал Зверев. На борту кроме экипажа не было никого.

Во время полёта однообразная картина бескрайней тайги утомила Зверева. Михаил Иванович отвернулся от иллюминатора. Подремал три часа с небольшим. После посадки он продолжал сидеть на деревянной лавке. Выходить без трапа? Прыгать на бетонную площадку, чтобы сломать шею? В голове Зверева прозвучал голос Пригожина: «Обратного пути нет».

В салон вошёл лётчик. Он открыл дверь, сбросил вниз верёвочную лестницу.

– Спускайтесь следом! – сказал он.

Михаил Иванович посмотрел вниз. Площадка была чистой от снега. Лётчик быстро спулся.

– В контракте не предусматривались навыки акробата-эквилибриста! – крикнул Зверев.

Лётчик улыбнулся в ответ. Стоя на земле, он махнул рукой пассажиру, приглашая следовать за ним.

Михаил Иванович вспомнил школьные уроки физкультуры, взялся за канатную лесенку с одного края и потихоньку, попеременно опуская ноги, спустился на землю.

– Почему здесь нет снега? – Михаил Иванович топнул ногой по площадке.

– Выдувает, – сказал вертолётчик и пригласил Зверева принимать багаж с борта.

Михаил Иванович посмотрел, как большие ящики опускаются на верёвках.

– Это какую силищу надо иметь, чтобы медленно опускаться сразу по паре?

– А таль на что?

Михаил Иванович не ответил. Он присоединился к лётчику, принимающему багаж. Работа без передышки через полчаса оба взмокли.

– Перекур! – крикнул с борта командир экипажа.

– Зря ты «Мальбору» заказал, – сказал лётчик, держа в пальцах сигарету, – да ещё натуральную. Лучше бы отечественных взял.

– Не нравится?

– А ты посмотри! – лётчик поднял руку с тлеющей сигаретой. Больше половины обратилось в пепел, – Это от нескольких затяжек!

– «Беломор» лучше, – сказал Михаил Иванович.

– А-то! Сидишь, копаешься, жуёшь папироску. Потухнет, прикуришь снова. Замусляешь кончик, откусишь его, выплюнешь и снова кури как новую!

– Благодать да и только, – согласился Михаил Иванович. С потом вышла из головы похмельная тупость. Исчезла скованность движений.

– Этих, – лётчик кивнул на один из ящиков с эмблемой американских сигарет, – по три пачки в день уйдёт!

– Уйдет!

– Не хватит?

– А здоровье? – лётчик скукожился как древний дед.

Они от души посмеялись.

– Кроме шуток, зачем согласился?

– Зачем люди работают?

– За бабки. Ясно, – лётчик поднялся с ящика, отряхнул невидимую пыль с колен. – Пошли, закончим!

Через пару часов они сгрузили багаж и занесли в избушку ящики.

– Темнеет. Пора! – сказал командир. – Михал Ваньч! Подпиши инструктаж по «Тэ Бэ», а то световой день кончается. Не ночевать же нам тут!

– В чём проблема?

– Так его читать только час! – лётчик вынул из планшетки бумаги.

– Дай хоть мельком взгляну.

– Главное подпиши, а потом считаешь, – предложил лётчик, помогавший принимать багаж.

Михаил Иванович подмахнул инструктаж. Какая тут техника безопасности? Не суй нос ни в чей отброс! Второй экземпляр оставил себе.

– Ну, бывай! – Лётчики похлопали его по плечам. – Через сотню дней прилетим!

– Это вы забирали моих предшественников? – спросил Зверев, выйдя из избушки вслед за лётчиками.

– Мы и забирали! – сказали они хором, не оглядываясь.

– И как?

– Легко! Грузить-то ничего не надо было! До обеда обернулись!

Они ускорили шаг, отрываясь от Зверева. Михаил Иванович понял: ничего больше не скажут. Инструктаж! Почти как в армии.

– Хоть бы показали, что тут к чему, – пробурчал он, провожая взглядом вертолёт.

Глава 2. Клоун рыжий. Клоун чёрный

Зверев осмотрел своё жилище. Снаружи бревенчатая изба из кругляка, между брёвен местами торчком седой мох. Изнутри стены обиты пластиком светло-серого цвета. Обстановка в спартанском стиле. Металлический стол и шкаф с множеством полок. Михаил Иванович взял папку, перевязанную тесьмой. Пыли на ней не было. Предшественники, похоже, часто пользовались этими бумагами. Зверев отложил осмотр документации и прошёл в соседнюю комнату. От кухни она отделялась пластиковой перегородкой. Спальная освещалась люстрой в форме матового диска. Кровать с жёсткой панцирной сеткой стояла возле перегородки. Под окошком размерами с большую форточку, стоял масляный радиатор с красной лампочкой. Горячий! Михаил Иванович отдернул руку. Он сел в кресло, стоящее в углу, оглядел стены. Серый однотонный пластик – никакой фантазии! Зато на стене напротив оконца висел гобелен. Художника, изобразившего такое, никак не упрекнёшь в отсутствии воображения. На фоне неестественно больших роз тёмно-коричневый гроб с жёлтой окаёмкой, как бы плавающий в море цветов. В нём сидит скелет женщины с мощными грудями. Соски ярко-розового цвета возвышаются над поверхностью ковра. Михаил Иванович поднял руку, чтобы потрогать их, но тотчас остановился. Голые ключицы и надтреснутый череп завершали облик красавицы. Жёлтые волосы беспорядочно спадали до головок плечевых костей. Скелет находился в полуприподнятом состоянии под углом к гробу. Создавалось впечатление, что она вот-вот сядет.

Михаил Иванович вспотел. Немудрено, что кое-кто сошёл с ума, наблюдая это чудо днём и ночью. Зверев потрогал ковёр. Толстый, сшитый на совесть. Он поднялся на табурет, снял гобелен со стены, свернул в трубку. Не раздумывая и не давая отчёта своим действиям, Михаил Иванович вынес рулон из дома, бросил его в снег за углом избышки.

Зверев присел на стул, перевёл дух. Будто в одиночку разгрузил вертолёт! Вот она, гиподинамия – болезнь века. Михаил Иванович открыл кран над раковиной, тёпленькая. Цивилизация проникла даже в этот медвежий угол.

Над столом висели круглые часы. К серому циферблату тянулся провод от коробки-распределителя. Михаил Иванович сравнил показания электрических часов с наручными. Точность ювелирная, до секунды.

Собравшись ужинать, Михаил Иванович раскрыл ящик с хлебом. Был приятно удивлён. Вместо ожидаемых малоудобоваримых галет там оказались золотистые батоны, в вакуумной упаковке. Срока годности не указывалось.

Михаил Иванович знал, что в такой обёртке хлеб не черствеет в течение полугода. Настроение поднялось. Если его по какой-либо причине «забудут» здесь – запасов хватит на полгода, как и говорил Пригожин. Зверев заварил чай своего любимого сорта, который указал в анкете.

Покурить вышел в сени напоминающие тамбур.

– Это тебе холодильник до весны, – сказал командир экипажа, когда заносили вещи.

– А весной? – машинально спросил Зверев.

В ответ лётчик сделал такие глаза, будто у него спросил о конце света. Михаил Иванович улыбнулся.

– Дома будешь весной! Кстати, весна-то в июне начинается.

– Трижды дома будешь! – заверил второй пилот, подмигнув Михаилу Ивановичу. А когда командир вышел за очередным ящиком, улыбаясь, он указал на металлическую бадейку. Что он этим хотел сказать, Зверев тогда не понял.

Теперь он раскрыл бадью и увидел в ней крупные таблетки похожие на сухое горючее. Зверев взял одну, принялся есть. Как есть, сухое горючее. И чему так радовался штурман? Зверев бросил таблетку обратно и закрыл флягу. Чай остывал, а ему ещё хотелось попробовать

масла. Только в третьем вскрытом ящике он обнаружил пачки «Вологодского». И тут Пригожин постарался обеспечить райскую жизнь! Из такой командировки можно век не возвращаться!

С удовольствием попив чаю, Михаил Иванович улёгся на кровать. Полежал в темноте, слушая тишину. Когда в ушах мягко застучали собственные кровеносные сосуды в такт биению сердца, Михаил Иванович заснул.

Во сне ему привиделись предшественники. Молодые мужчины, оба лет двадцати с небольшим. Один назвался Валентином, другой – Петром. Алексей был почему-то седым, а Пётр рыжим.

– За бабками приехал, коллега? – спросил Валентин, протягивая руку.

Михаил Иванович кивнул и пожал сухую ладонь.

– Тяжело в наше время бабки даются, – сказал рыжий, сверкнув белыми фиксами.

– Чем порадуете? Пугать пришли? – спросил Зверев вполне осознавая, что находится во сне.

– Пугать?! – хором удивились парни.

– Или предупреждать?

– Мы тебе помогать пришли!

– Хотите, чтобы я разделил деньги поровну? Я же знаю, что вы не получили ничего.

– Дурак ты, Михаил Иванович. Даром что академик!

– Я не академик. Всего лишь, старший научный сотрудник. И то в прошлом.

– Ты сотрудник? – захохотал Пётр. – Ты вошь лесная! Как и мы.

– В чём вопрос, ребята?

– Хочешь вернуться нормальным?

Михаил Иванович кивнул.

– Тогда возьми наш вахтенный журнал и прочитай его!

– В тумбочке на кухне?

– Нет. Это формальная бумага для Пригожина. Ты возьми журнал в бане!

– В душевой? – не понял Зверев. Про баню он ничего не слышал. Представив себя на полке в жаркой парилке, Михаил Иванович непроизвольно погладил локти.

– Не щипай себя, не проснёшься, – сказал седой. Валентин выглядел рассудительнее своего товарища. И одет в костюм тройку, хотя и ядовито-зелёного цвета. Тогда как его напарник в спортивной форме с обвисшими локтями и коленками.

– И где мне взять этот журнал?

– В бане. Слева под поленицей вынешь доску из пола. Там лежит журнал.

– К чему такая конспирация?

Вместо ответа Михаил Иванович услышал пиканье наручного будильника.

– Где эта баня? – спросил он у самого себя.

Умывшись, Зверев поднял трубку телефона. Лётчики подсказали ему: «Возьми трубку и ори, что есть мочи: – «Подстанция! " – ответят.

Михаил Иванович так и сделал. Но ответа не дождался. В трубке не были слышны даже эфирные шумы, не то что какие-то гудки. Зверев подул в микрофон. Ничего не зашуршало, не закрипело. Наверное, связь специальная, вроде монитора. Хочешь, кричи, хочешь, наговаривай на плёнку, решил Михаил Иванович.

– Спасибо, Алексей Исаевич! Всё очень хорошо. Рацион меня вполне устраивает. Свои обязанности я понял. Думаю, справлюсь без труда. Только хотелось бы узнать... – «Где тут баня» хотел спросить Зверев. В последний момент передумал и вместо этого сказал: – Есть ли тут какие-нибудь инструменты?

Зверев опустил трубку. Сел напротив аппарата, не спуская глаз с сигнальной лампочки. Красный колпачок на чёрном аппарате не подавал никаких признаков жизни. Похоже, связь односторонняя. Докладывать и сообщать о чём-то ещё расхотелось.

Михаил Иванович взял журнал из шкафа. На первой странице была размещена служебная инструкция. Некоторые предложения с силой зачёркнуты шариковой ручкой. На полях были записи сделанные другой рукой, судя по всему, рыжего Петра. Популярное руководство к действию: " возьми эту хренотень, прикрути к этой, а вот эту, раз-так-мать, вверни в верхнюю халабуду...".

Ознакомившись с действиями по трансформатору, Зверев перелистнул страницу, и узнал, что помимо эксплуатации трансформатора, у него есть и другие обязанности. «Содержать тропинки свободными от снега», не отлучаться более чем на двое суток! Служебная инструкция напоминала правила техники безопасности, под которыми Зверев подписался ещё по приезду. Михаил Иванович достал листки, набранные мелким шрифтом, сравнил. По содержанию одно и то же. Гораздо больше запретов, чем действий. Кроме всего прочего, ему запрещалось купаться в открытом водоёме, охотиться с автоматом Калашникова с вертолёта, валить деревья с помощью топора, употреблять в пищу мясо умерших животных.

Михаил Иванович пропустил ценные указания начальства. Производственный дневник навеял тоски ещё больше: день за днём предшественники выводили какие-то цифры. Судя по всему, показатели приборов. Числа повторялись с копировальной точностью. Зверев понял, как и во всяком сменном производстве, вахтенный рабочий, не утруждая себя, переписывает предыдущие цифры.

Михаил Иванович разобрался, что одни цифры отражают работу трансформатора, другие – водяного насоса. Отдельной строкой записаны данные по масляному радиатору отопления. Инструкции не предусматривали записей показаний приборов. Значит, ребята от скуки решили чем-то заниматься. Михаил Иванович вспомнил, сколько за свою жизнь составил никому ненужных отчетов. Нет, он в подобной трудопрофилактике не нуждался.

К обеду Зверев выбрал консервы кальмаров и концентрированное картофельное пюре. Перед едой он решил размяться, почистив от снега прилегающую территорию.

Вертолётная площадка по-прежнему была пуста от снега. В лесу покрыло только по щиколотку, до снежных завалов ещё далеко. Михаил Иванович прикинул, что самые сильные выюги заметут в марте. Срок его командировки истечёт к концу января – кто потом будет расчищать снег? Очередной труженик с «железными нервами»! За оплату вчетверо? Зверев поёжился. Взобравшись на металлический трап со стойками вбетонированными в площадку, Михаил Иванович огляделся. Вокруг матовая темно-зеленая тайга без конца и без края. Молодая поросль на линии высоковольтки задерживала снег лучше любого щита. За домиком дежурного угадывалась тропа в густой ельник. Вероятно, там построена баня. Михаил Иванович увидел путь к трансформаторной и насосной. Других объектов не было. Он вернулся домой, решив посетить предполагаемую баньку после обеда.

Войдя в кухню Зверев оторопел. За время его отсутствия кто-то перевернул кружку вверх дном! Михаил Иванович осмотрел все углы. Ничего не изменилось. И только металлическая кружка стояла в центре стола кверху дном с облупленной белой эмалью. Зверев взял её за доньшко и дёрнул кверху, ожидая увидеть под кружкой какую-нибудь гадость вроде дохлой мыши. Но там ничего не оказалось.

Пообедав, Михаил Иванович убрал посуду. Он намеренно поставил кружку точно с краю стола, положил в неё чайную ложечку и ушёл из дому.

Для начала Зверев решил заняться своими непосредственными обязанностями, осмотреть трансформатор. Он был огорожен забором из сетки-рабица окрашенной в белый цвет под штукатурку. Калитка была заперта на висячий замок.

Михаил Иванович отругал себя за невнимательность. Изучил инструкцию, называется. Не потрудился узнать про ключи. И всё из-за дурацкой бани, которая не выходит из головы с самого утра.

Зверев вернулся в избу. Первым делом он посмотрел на кружку. Она находилась там, где была поставлена. Никто на этот раз не стал пугать постояльца.

Михаил Иванович порылся в столе, нашёл связку ключей с металлическим жетоном. На нём было выбито слово «подстанция». В ящике оказалось достаточно хлама. Промазученные и ржавые гайки, грязные болты, короткие отрезки изолированной проводки, запылённые электропакеты и распредкоробки. Зверев не стал прикасаться к этим вещам. Какой только дряни не бывает в рабочем столе! Захочешь отыскать нужную вещь, так руки изгваздаешь безо всякой работы. Михаил Иванович коленом задвинул ящик. В следующий не стал заглядывать. Он посмотрел в окошко. Солнце красным диском зависло над горизонтом. Идти в неведомую баню поздно.

Михаил Иванович отложил экскурсию и проверку трансформатора до завтрашнего утра. Взгляд его остановился на телефоне. Сигнальная лампочка размером с огромную бородавку потемнела ещё сильнее. Провод от аппарата свисал до плинтуса, затем терялся. Михаил Иванович отодвинул от стены стол, включил свет. Обнаружил теперь, что телефонный кабель уходит в отверстие в стене. Это было странным, потому что снаружи избушки не было телефонного провода.

Зверев решил убедиться в этом окончательно. Он вышел из дома, обошёл избушку. За углом споткнулся и упал, оцарапав лицо. До чего же колючий снег! Открыв глаза, Зверев обнаружил, что колючим оказался не снег, а ворс выброшенного им вчера гобелена. Зверев взял ковёр и забросил его подальше. Обойдя дом вокруг, Михаил Иванович удостоверился, что кроме электропроводки от трансформаторной, к дому не подведено никаких проводов. Значит, кабель зарыт или отсутствует вовсе.

Закончил первый рабочий день Михаил Иванович повторным изучением служебной инструкции и подписанного им документа о технике безопасности. Требования, казавшиеся на первый взгляд нелепыми, похоже, не лишены смысла, так как составлялись на разные времена года. Интересно, Пётр или Валентин могли нарушить инструкцию насчёт купания в открытых водоёмах? И почему они всё же свихнулись? Ответа на этот вопрос в замусоленном вахтенном журнале не было. Как и в инструктаже по «ТБ». Михаил Иванович, зевая, подумал: «Нужен ли мне этот ответ?» Человек в изоляции может сойти с ума, история разбухла от таких примеров. Потому и нужны «железные нервы», решил Зверев засыпая.

На следующее утро он осмотрел трансформатор, проверил уровень масла, немного долил. Выйдя за изгородь, Михаил Иванович повесил замок и подумал. Стоит ли его закрывать на ключ? Вокруг ни души на сотню километров, дикие звери вряд ли полезут к гудящей высокой будке. Но правила есть правила, Зверев крутанул ключом, заперев замок.

К бане он опять не попал. После обеда почему-то лопнула труба под раковиной. Пришлось возиться со стоком. Зверев заменил трубку толстостенным резиновым шлангом, лежащим тут же, под раковиной. После экстренной работы с канализацией Михаил Иванович еле отмыл руки от жира, оставшегося на стенках стока.

Ополаскиваясь в душе тёпленькой водой из маленького электротитана, Михаил Иванович пожалел, что так и не добрался до бани. Завтра же, решил он, с рассветом пойду. Ничто, даже землетрясение, не заставит меня заняться чем-то другим!

Землетрясения не случилось. Непредвиденного ЧП не произошло. Михаил Иванович побрёл по увиденной с вертолётки тропе. Считая шаги, он сбился после второй сотни. Глядя себе под ноги, Зверев чуть не въехал лбом в изгородь из почерневшего гладкого кругляка. Забор был сделан без единого гвоздя: вертикально вбитые в землю парные брёвна и лежащие друг на друге меж ними тонкие болванчики. Воротами служил щит из необструганных

досок. Зверев отклонил его в сторону. Внутри двухметровой изгороди стоял маленький домик с железной трубой. На деревянной двери замок отсутствовал. У стены лежали набросанные как попало короткие еловые чурбачки. Зайдя в предбанник, Зверев увидел поленницу. Он не стал спешить отыскивать журнал, осмотрел баню изнутри. Печь сделана с умом: топка вынесена из моечной. Парилка отгорожена. На деревянной скамейке тазик и два ковша с пластмассовой рукояткой. В углу бочка для воды, у печи железный бак для кипятка. Всё как положено, только откуда взять воду? Наверняка, где-то поблизости есть речушка.

Михаил Иванович вернулся к поленнице. Он осмотрел сложенные дрова с каждого боку. Заметив проваленную в полу доску, опустил туда руку и тотчас отдёрнул её. Зверев ожёгся о ледяную воду. Оторвав кусок доски, Михаил Иванович заметил, что под полом бани разлит мазут. Поэтому и не замёрзла вода. Обтерев руку какой-то ветхой тряпкой, Зверев закурил. Захотелось немедленно уйти отсюда и никогда не возвращаться.

Спустя некоторое время Михаил Иванович поостыл и принялся за поленницу с другого бока. У самой стены под дровами лежала фанерка, Зверев сдвинул её и обнаружил тайник. Вынул из ниши журнал похожий на школьный. Михаил Иванович полистал разбухшие от сырости страницы. Почти все листы были исписаны. Зверев заглянул в топку. Внутри не было сажи. Вряд ли кто парился в этой бане. Тогда зачем они таскали сюда этот журнал? Раздумывая над этим вопросом, Михаил Иванович вернулся в избушку. Умываясь чуть тёпленькой водичкой, он порадовался и ей. Надежда на нормальную баню провалилась в яму с мазутом. Выходя из санузла, Зверев бросил взгляд на стол. Кружка перевернута вверх дном. Как в насмешку, чайная ложечка лежит на дне повёрнутой по ходу ручки кружки.

После ужина Михаил Иванович улёгся на кровать с раскрытым вахтенным журналом. На первой странице он прочёл впечатления своего предшественника о новом месте работы. Валентин, скорее всего это был он, не утруждал себя вопросами. Ему было не интересно, зачем чистить снег, когда время спасаться от комаров. Вторая страница содержала те же восторги о царском питании и красоте природы. Затем дневник стал ещё однообразнее. Страницы заполняли подсчёты будущей зарплаты и планы растраты денег. Михаил Иванович пролистал журнал до страниц с другим почерком: интереснее узнать впечатления разных людей. Дневник Петра начинался намного позже, только через две недели пребывания в тайге. На первой странице был описан сон, в котором ему явился седой, но ещё молодой парень. Именно он посоветовал писать дневник, чтобы не сойти с ума от одиночества.

Такое занятие – тягостное и однообразное – скорее свихнёт мозги набекрень, решил Михаил Иванович, засыпая. Сквозь сон он услышал, как что-то упало за окном. В следующий момент Зверев увидел себя за углом избушки, где он стоял в валенках и трусах с хлопчаткой для мух, которой выколачивал ковёр лежащий рисунком на снегу. Михаил Иванович так увлёкся, что выскочил одной ногой из валенка и наступил в снег голой стопой. Быстро обулся и с удвоенной энергией продолжил лупцевать гобелен. Крупными хлопьями повалил снег. Полная багровая луна осветила землю. Голубоватый снег заискрился до боли в глазах. Громадная снежинка упала на нос Михаила Ивановича. Размером с детский снежок, она подпрыгнула кверху и с силой упала на макушку Зверева. Михаил Иванович погрозил небу кулаком, схватил ковёр и забежал в избушку. Водрузив гобелен на его изначальное место, Михаил Иванович скинул валенки и лёг в постель.

Писк будильника заставил Михаила Ивановича открыть глаза. От вида противоположной стены его подбросило на кровати – ковёр с женским скелетом в гробу утопающим в море роз, висел на своём месте!

Зверев вскочил, забежал в кухню. Посмотрев на стол, он с облегчением вздохнул: кружка стояла так, как он её оставил накануне вечером. Михаил Иванович усмехнулся, что там перевертыши какой-то кружки, когда сам подобно лунатику шастаю по ночи выколачивать ковёр?

В этом доме что-то происходит. И это «что-то» задалось целью сводить с ума временных жильцов. Михаил Иванович собрал ковёр со стены. Подумав, повесил обратно. Если он будет выскакивать по ночам на снег, то вскоре умрёт от пневмонии.

Ничего, утешал себя Михаил Иванович, мои нервы железнее недоразвитых пацанов. У которых в голове одни планы: как потратить ещё неполученные деньги. В дневниках, называемых «вахтенным журналом», с каждой страницей изменялись планы расходов. Желания обратить деньги в золото сменялись превращением их в валюту и недвижимость. Листая журнал через несколько страниц, Михаил Иванович не находил в записях ничего заслуживающего внимания. Он обратил внимание на знаки, нарисованные на полях. И не ошибся. На первой же строке, помеченной восклицательным знаком, Зверев увидел интересную информацию.

На чердаке лежит ружьё с коробкой патронов.

Это было единственное осмысленное предложение на странице. Как до него, так и после писалась сплошная белиберда. О каких-то девушках-русалках, об огнедышащих драконах и двуглавых змеях.

По лестнице из коридора Зверев поднялся на чердак. На узеньком пространстве ружья не оказалось. Зато к косяку у входа был приставлен обрез. Посылочный ящик средних размеров стоял рядом. Одна коробка была початой. Судя по количеству боеприпасов, кто-то собирался держать оборону до последнего. Доски под ногами жутко скрипели, и Михаил Иванович крался на цыпочках, как будто боялся разбудить кого-то в доме. Он пробрался к окошку, заглянул в него. Снег по ту сторону избушки стал серым от пыли с выбитого ковра. Грязь просвечивала сквозь тонкий слой свежих снежинок. Михаил Иванович ещё раз убедился, что его ночью носило на мороз. В уголке чердака стоял деревянный ящик защитного цвета. Зверев приоткрыл крышку. Внутри лежал тряпичный свёрток. От него пахло как из оставленной открытой культуры анаэробов у нерадивого аспиранта. Михаилу Ивановичу хорошо знаком этот запах – запах гниения и брожения полуразложившихся тканей. Он закрыл ящик. Похоже, сюда складывали охотничьи трофеи. Обработать не могли, а холодильника тут не было.

Михаил Иванович спустился в дом. Подмигнув перевернувшейся кружке, он погрозил ей обрезом. Оружие было похоже на пиратский пистолет времён Колумба. Не имея навыков обращения с оружием, Михаил Иванович сообразил, что конструкция обреза проста. Никаких затворов и предохранителей: съешь патрон, взводишь курок и палишь в белый свет. Делов-то. Он убрал обрез в полку с тетрадами.

Время шло очень медленно. Если в первые два дня Михаил Иванович успевал только поесть, убрать посуду и немного подумать, то теперь он поднялся на чердак, изучил оружие всего-то за двадцать минут! Заправлять трансформатор не было нужды, поэтому Зверев решил заняться уборкой. Наверное, его тяга к чистоте и заставила подняться среди ночи выбивать ковёр. Живя один в квартире, Михаил Иванович обязательно каждую неделю затевал стирку, а на следующий день занимался уборкой. Баушки-соседки знали, когда Зверев будет стирать, а когда хлопать половики.

– Убирай бельишко, молодка! – советовали они соседке: – Сейчас Михаил Иванович будет коврики хлопать! – если была суббота.

– Идите, хлопайте ковры на соседнюю площадку! Сейчас Михаил Иванович тута бельё развешает! – говорили они в пятницу.

Никто с ними не спорил, а Зверев проходя мимо лавочки, всегда здоровался и выслушивал их однообразные истории.

На кухне пол был покрыт красным ковролином. Покрытие плотно прилегало к доскам. Михаил Иванович попытался отодрать его от порога и сразу понял, что ковролин прибит обычными гвоздями. Сорвать его не сложно, стоит лишь уцепиться за край. Потихоньку, метр за метром, он оторвал ковролин от пола. Пришлось передвигать громоздкую мебель: письменный стол и тумбу для посуды. После этого Зверев отхлопал ковролин во дворе, меняя

несколько раз место, потому что снег быстро превращался в песок. Умаявшись, Зверев свернул ковровин в рулон и приставил к стене с намерением завтра поутру расстелить его в избушке.

Вернувшись в дом, он отужинал и вновь полистал журнал. Больше никакой полезной информации не попадалось.

Зверев сунул дневник под подушку, отключил свет и уснул.

Михаил Иванович полагал, что во сне кто-нибудь из «писателей» явится и объяснит наконец, зачем ему читать эту белиберду.

В эту ночь не было никаких снов.

Поутру Зверев вышел из спальни и наступил на ковровин в кухне. Первым делом он отогнул покрытие от пола. Ковровин лежал поверх вбитых в пол гвоздей, как и задумывал Михаил Иванович.

– Кто здесь? – спросил Зверев и закрыл рот ладонью. Получается, начал разговоры с самим собой.

Он замер. Услышал биение собственного сердца. К счастью, никаких других звуков не было. Никто не приходил и ничего тут не делал. Зверев сам поднялся и расстелил ковровин на место. Может быть, я всегда был лунатиком, только это не проявлялось? Теперь же, в голове оставалась мысль о каком-то действии, и Зверев выполнял его ночью. Придя к такому выводу, Михаил Иванович успокоился. Он решил доделывать до конца намеченное на день, чтобы не вставать во сне.

Зверев пошёл к трансформатору. Попутно он расчистил небольшой слой снега. Замок был на месте, трансформатор работал исправно. Проверив уровень, Михаил Иванович озадачился: масло никуда не делось. Оно не выветрилось, не выкипело. Почему «инструктор» Пригожина сказал, что эта машина жрёт масло, как старый «москвич»? Михаил Иванович пригляделся к жестянке с выбитой датой изготовления. Трансформатору исполнилось всего три года. Стало понятным, что оборудование на подстанции в городе устаревшее.

Что ж, с главной заботой Михаил Иванович справился. Осталось проверить насосы-глубинники, подающие воду в его сторожку. Насосная находилась неподалёку, метрах в пятидесяти. Смотреть за работой насосов не имело никакого смысла. Автоматически один сменял другого каждые двадцать часов. Если один из двух выйдет из строя, Зверев останется без воды на сутки – только и всего. Починить глубинный насос сторож не в состоянии. Ремонт не входит в обязанности обходчика. Поэтому ребята переписывали данные манометров, не заходя в насосную. Замок проржавел. Михаил Иванович не смог вставить ключ. Впихивал его силой, стучал по замку, но безрезультатно. Тогда Зверев вернулся к трансформатору, набрал масла в жестяную баночку, с краю мазнул побольше солидола.

Провозившись с замком около часа, Михаил Иванович вспотел. Но приходить сюда ночью ему совсем не хотелось. Зверев залил скважину маслом, жирно смазал ключ солидолом. Дёргал ключом, стучал замком о стену, ругал его и уговаривал, в итоге всё же отомкнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.